

СТИВЕН
ХОКИНГ

МОЯ КРАТКАЯ
ИСТОРИЯ

ОГИЗ

Издательство АСТ

ДЕТСТВО

Мой отец Фрэнк Хокинг принадлежал к роду йоркширских фермеров-арендаторов. Его дед — мой прадед Джон Хокинг — был вполне преуспевающим фермером, но, скупив слишком много ферм, обанкротился во времена сельскохозяйственной депрессии в начале XX века. Его сын Роберт — мой дед — пытался помочь отцу, но в результате и сам обанкротился. К счастью, у моей бабушки в Барроубридж был дом, в котором она устроила школу, благодаря чему семья получала хоть какой-то доход. Все же им удалось скопить денег, чтобы отправить сына в Оксфорд изучать медицину.

Учась в университете, мой отец регулярно получал гранты и премии, что позволяло ему отправлять деньги родителям. Позднее он занялся изучением тропических болезней и в 1937 году отправился в Восточную Африку проводить исследова-

ния. Узнав о начале войны, он пересек Африку, и, спустившись по реке Конго, сел на корабль, на котором вернулся в Англию. Сразу по приезде на родину он изъявил желание пройти военную службу, но получил отказ с оговоркой, что его место в медицине.

Моя мать родом из шотландского городка Данфермлин, она была третьим из восьми детей местного доктора. Ее старшая сестра родилась с синдромом Дауна и до своей смерти в тринадцать лет жила с сиделкой. Когда маме было двенадцать лет, семья переехала на юг Девона. Как и у отца, ее семья была не из богатых, но и им удалось отправить дочь учиться в Оксфорд. После окончания университета она перепробовала много профессий, в том числе работала налоговым инспектором, что ей было не совсем по нраву. В результате она предпочла стать секретарем, и именно там повстречалась с отцом. Это было в самом начале войны.

Я появился на свет 8 января 1942 года, ровно через триста лет после смерти Галилея. Однако по моим подсчетам в этот же день родились еще, по крайней мере, две сотни тысяч младенцев. Не знаю, правда, интересовался ли из них кто-нибудь астрономией в дальнейшей жизни.

Родился я в Оксфорде, хотя в то время мои родители уже жили в Лондоне. А случилось это, потому что во время Второй мировой войны

с немцами было подписано соглашение о том, что Оксфорд и Кембридж не будут подвергаться бомбардировкам, если в свою очередь англичане не станут бомбить Гейдельберг и Гёттинген. Жаль, что это соглашение не распространялось и на другие города.

Когда через полтора года после моего рождения на свет появилась моя сестра Мэри, мы жили в местечке Хайгейт на севере Большого Лондона. Родители говорили, что я не слишком радовался ее появлению в нашей семье. И такая напряженность в наших отношениях, вызванная очевидно маленькой разницей в возрасте, продолжалась все детство и исчезла, только когда мы повзрослели, и каждый пошел своим путем. Мэри стала врачом, что не могло не радовать отца.

Сестра Филиппа родилась, когда мне было около пяти лет, в это время я уже лучше понимал, что происходит. Я помню, с каким нетерпением ждал ее появления на свет, чтобы мы могли играть втроем. Она была очень впечатлительным и восприимчивым ребенком, и я всегда с большим уважением относился к ее мнениям и суждениям. Моего брата Эдварда родители усыновили гораздо позже, тогда мне было уже четырнадцать, поэтому он не оставил воспоминаний в моем детстве. Эдвард был совсем не таким, как мы, он не отличался особым интеллектом и не очень-то стремился к учебе, что, возможно, было неплохо для нас. Он был довольно трудным ребенком, но его было